И. В. НЕМИРОВСКИЙ

ШВЕЙЦАРСКАЯ ТЕМА В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» Н. М. КАРАМЗИНА

Важную роль швейцарской темы в творчестве Н. М. Карамзина отмечали многие исследователи.[1] Для писателя просветительской ориентации, каким был Карамзин, Швейцария представлялась той идеальной страной, где интересы личности гармонично сочетались с общественным благом.[2] Здесь, на лоне прекрасной и суровой природы, сохраняются древние добродетели, что, по мнению Монтескье, и является залогом нормальной жизнедеятельности любой республики. Определенную роль в идеализации образа Швейцарии для Карамзина и писателей-сентименталистов играло и то, что ее уроженцем был Ж.-Ж. Руссо.[3]

Отношение Карамзина к Швейцарии не было одинаковым на протяжении его жизненного и творческого пути. В 90-е гг. оно с наибольшей полнотой проявилось в «Письмах русского путешественника», где Швейцария противопоставлялась как феодальной Германии, так и революционной Франции.[4] Но уже в «Письмах. . .», несмотря на приподнятый тон описания («мир и тишина царствуют в счастливой Швейцарии»),[5] слышатся нотки обеспокоенности Карамзина за судьбу страны, которая далеко не во всех частях так счастлива и богата, как хотелось бы русскому путешественнику. От его взгляда не укрывается, что в Женевской республике «поселяне беднее, нежели в Бернском и Цирихском кантоне»,[6] спокойный патриархальный быт Берна и Цюриха противопоставлен жизни Женевы и Лозанны, уже подверженной влиянию революционной Франции. И все-таки при этом Карамзин далек

---

[1] См.: *Берков П. Н.*, *Макогоненко Г. П.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 45—47; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария. Л., 1984. С. 104—116.

[2] См.: *Орлов П. А.* «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина как произведение русской просветительской литературы XVIII в. // Вестн. МГУ. Филология. 1977. № 2. С. 19—20.

[3] См.: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII в. // Эпоха Просвещения. Л., 1967. С. 268—269.

[4] *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин как автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 240 и след.; *Иванов М. В.* Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 296—302.

[5] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 105.

[6] Там же. С. 156.

от того, чтобы придавать существующим межкантональным противоречиям слишком серьезное значение. «Да будет их (женевцев. — *И. Н.*) Республика многия, многия лета прекрасною игрушкой на земном шаре», — так заканчивает Карамзин свой рассказ о путешествии по Швейцарии.

Если в «Письмах русского путешественника» швейцарская тема изучена довольно хорошо, то значительно реже подвергалась анализу эволюция отношения Карамзина к Швейцарии. Между тем именно в последний период писательской деятельности Карамзина, во время работы в «Вестнике Европы», после длительного перерыва швейцарская тема вновь заняла то место в его творчестве, которое она имела в начале 90-х гг.

Политические новости из Швейцарии занимают ведущее место во внешнеполитическом разделе «Вестника Европы» за 1802 г. Впервые о событиях в этой стране говорится в 1-м номере журнала в полностью приведенном Карамзиным «Изображении состояния Французской республики, представленном консулами Законодательному совету», подписанном Наполеоном. Оценка внутреннего положения Швейцарии, данная здесь первым консулом: «Гельвеция осталась в буре без кормчего»,[7] — полностью вошла в обзор швейцарских событий, данный Карамзиным в 3-м номере «Вестника Европы»: «Потомки Телевы имеют нужду в великом человеке, который мог бы решительно действовать на умы и соединять их в одну волю; но Бонапарте справедливо сказал, что Швейцария осталась на волнах без кормчего» (III. 101). В других номерах журнала, где также были помещены известия из Швейцарии (IX. 75; X. 177; XVI. 321—323), внутриполитическое положение страны характеризовалось как спокойное в целом, но нестабильное. Исключение составило «Письмо из Берна», где утверждалось, что «Гельвеция, испытав разные Конституции, после долговременного волнения утвердила, наконец, правление, которое кажется ей лучшим и сообразнейшим с пользою разных частей ее» (XVI. 321).

В 17-м номере журнала появляется первое сообщение о событиях, которые с этого времени неизменно будут приковывать внимание Карамзина: о гражданской войне между большими и малыми кантонами Швейцарии. В 20-м номере, в «Письме из Берна от 14 сентября» положение страны оценивалось так: «Сия несчастная страна представляет теперь все ужасы междуусобной войны, которая есть действия личных страстей, злобного и безумного эгоизма» (XX. 322). В этом же очерке сформулировано то, что Карамзин считал главной пружиной гражданской войны: столкновение политических интересов аристократов Берна с интересами демократического большинства других кантонов. При этом аристократы, и прежде всего Рудольф фон Эрлах, изображаются как

---

[7] Вестник Европы. 1802. № 1. С. 92. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

возмутители крестьянской массы, а сама гражданская война показана как крестьянский бунт: «Между тем начался бунт в Аргау и в Бадене. Вооруженные крестьяне, под начальством Эрлаха, бывшего знатного аристократа в Берне, завладели Баденом, Бругом и Ленцбургом; даже и бернские крестьяне бунтуют, требуя учреждения всеобщей демократии <. . .> Базель от 18 сентября. Слышно, что вооруженные крестьяне взяли Арбург и прямо идут к Берну; говорят даже, что и Берн захвачен ими. Если так, то у нас нет правительства. С часу на час ожидаем французов <. . .> Эрлах, возмутитель крестьян, называющий себя генералом и восстановителем старой Конституции, недолго будет храбровать. Фамилия Эрлах была издревле славнейшею и богатейшею в Бернском кантоне. Она отличалась всегда особенною привязанностию к аристократии» (XX. 323—324).

Следующий репортаж из Швейцарии продолжает обзор гражданской войны в том же стилистическом ключе и с теми же смысловыми акцентами. Главным действующим лицом событий остается здесь генерал Эрлах, хотя о фактическом руководителе конфедератов — Алоизе Рединге — и говорится как об «истинной душе мятежников». Но и тогда указывается на то, что «подкрепляют его прежние бернские аристократы, которые хотят возвратить утраченную власть и знатность; народ же есть только слепое их орудие» (XXI. 74).

Итак, аристократы во главе крестьянских армий, по мнению автора репортажей, главные виновники «падения Швейцарии» и вторжения в страну французских войск.

Но вот с помощью иноземной армии в стране устанавливается относительное спокойствие и встает вопрос о выработке нового законоположения взамен отмененной Конституции. Размышляя о том, кто мог бы стать его создателем, Карамзин так характеризует генерала Эрлаха: «Генерала Эрлаха, второго (после А. Рединга. — *И. Н.*) актера сей новой революции, знаем мы только как автора дурной книги, изданной лет за десять перед сим: не такие люди решают судьбу государств, не такие умы дают мудрые законы» (XXII. 156).

Обзор швейцарских событий 1802 г. заключает статья «Гельветическое правительство возвратилось с честью из Лозаны в Берн. . .» (XXIII. 246—248). Отношение автора репортажей к такому финалу гражданской войны неоднозначно. Хотя его антипатии к «друзьям Рединга или конфедератам» очевидны, заключительный эпизод междуусобных волнений рисуется так: «Когда Бонапарте велел объявить сейму, что он уничтожается, то Рединг отвечал: „Мы не будем противиться французам, но у нас есть оружие, которое сам Бонапарте уважает: справедливость и потомство!“ Ответ трогательный, если истинная любовь к отечеству говорила устами сего гражданина» (XXIII. 246).

Для того чтобы иметь возможность соотносить содержание швейцарских публикаций «Вестника Европы» с общественной позицией самого Карамзина (это в конечном счете и является задачей

настоящей работы), необходимо установить степень участия писателя в их создании. В этом отношении вопрос значительно облегчен тем, что центральная статья цикла (из 20-го номера) признана своею самим Карамзиным и под заглавием «Падение Швейцарии» вошла в собрание его сочинений.[8] Кроме того, установлена принадлежность Карамзину следующих статей швейцарского цикла: «Мы угадали, что новая швейцарская Конституция будет недолговечна. . .» (X. 177), «Гельвеция, испытав разные Конституции. . .» (XVI. 321), «Уверяют, что швейцары наконец во всем согласны. . .» (XXII. 155—161), «Президент Швейцарского сейма, славный Алойс Рединг. . .» (XXIV. 330—335).[9] Таким образом, из ключевых статей швейцарского цикла не установлено авторство только статей «Швейцары, к несчастью и стыду своему, исключительно занимают теперь внимание Европы. . .» (XXI. 73—78) и «Гельветическое правительство возвратилось с честью из Лозаны. . .» (XXIII. 246—248). Стилистическая и тематическая соотнесенность их с другими статьями этого цикла очевидна. При этом, поскольку стилистические особенности статей не являются предметом нашего рассмотрения, мы не настаиваем на оригинальном происхождении швейцарских корреспонденций и допускаем наличие неизвестных нам их зарубежных источников.[10] Более существенным представляется то, что во всех статьях о Швейцарии осуществлен единый принцип отбора материала, безусловно отражающий авторскую волю Карамзина: все многообразие событий гражданской войны сводится к крестьянским волнениям, причем главной фигурой очерков становится не А. Рединг, а бернский аристократ Рудольф фон Эрлах (1749—1810), чья реальная роль в происходивших событиях была значительно скромнее той, которую приписал ему Карамзин.[11]

В историю Швейцарии Р. Эрлах вошел не только как генерал гражданской войны, но и как писатель, автор трех книг: «Le Code du bonheur» (Geneve, 1783), «La moraliste aimable» (Amsterdam, 1788), «Précis des devoirs des souverains» (Lausanne, 1791). Трудно предположить, какую именно из них Карамзин называет «дурной книгой, написанной лет за десять перед сим». Да и сам выбор Эрлаха в качестве главного действующего лица швейцарских очерков был бы необъясним, если бы не трехкратное упоминание фамилии Эрлах в «Письмах русского путешественника», где она характеризуется как «знатнейшая в Бернском кантоне» [12] (ср.: «Фамилия

---

[8] *Пономарев С. И.* Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине. СПб., 1887. С. 19—21.

[9] Там же.

[10] Просмотренная нами «Gazette national ou Le moniteur universal» за сентябрь 1802 г. не содержит ни одного политического известия из Швейцарии.

[11] См.: История народного законодательства и демократии в Швейцарии. СПб., 1900. С. 72—75; История швейцарского народа. СПб., 1902. Т. 3. С. 109; История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 1. С. 452.

[12] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 132.

Эрлах была издревле славнейшею и богатейшею в Бернском кантоне» (XX. 324)). В «Письмах. . .» содержатся два мрачных сюжета о роде Эрлахов, а сам род, видимо, олицетворял для Карамзина «бернский аристократизм <. . .> самый строжайший в Швейцарии», когда «некоторые фамилии присвоили себе всю власть в Республике; из них составляется Большой Совет и Сенат <. . .> все прочие жители не имеют участия в правлении. Число сих аристократических или господствующих фамилий беспрестанно уменьшается; они могут сообщить свои права другим фамилиям, но это редко бывает».[13]

Итак, швейцарские репортажи Карамзина — это пристрастный рассказ, отражающий не только, а порой и не столько действительное течение событий, сколько симпатии или антипатии самого Карамзина. Тенденциозный характер «Вестей из Швейцарии» особенно очевиден при сравнении того, что печаталось в «Вестнике Европы», со швейцарскими корреспонденциями «Политического журнала», единственного русского журнала, который по обилию швейцарских новостей может быть сравним с «Вестником Европы».

«Политический журнал» хотя и уделяет определенное внимание крестьянским волнениям в кантонах (1801. III. 16), гораздо более подробно и тщательно характеризует внешнеполитическое положение страны, а внутреннее отнюдь не сводит к противостоянию больших и малых кантонов и к крестьянским волнениям (1802. I. 288; III. 66, 152, 244; IV. 211). Главное, что занимает «Политический журнал», это взаимоотношения Швейцарии с прилегающими странами, прежде всего с Францией. Внутри республики журнал выделяет несколько противоборствующих сил, подробно характеризуя лидеров каждой из них. Имя Эрлаха при этом не упоминается (1802. IV. 111).

Заметное место занимает швейцарская тема в газете «Московские ведомости», которая, без сомнения, находилась в поле зрения Карамзина. Здесь с января по декабрь 1802 г. появляется около пятидесяти корреспонденций из Швейцарии; в период с октября по начало декабря новости из «славной Гельвеции» присутствуют практически в каждом номере газеты. Рассказ о крестьянских волнениях содержится в таких обзорах событий в Швейцарии, как «В Кантоне Леманском действительно обнаружилась ужасная междуусобная война. . .» (XL, 14 июня. 696—697), в известиях из Цюриха от 14 сентября и из Берна от 14 и 15 сентября (LXXXVI, 25 окт. 1126—1128). Да и другие сентябрьские известия из Швейцарии содержат в себе тот или иной материал о крестьянских волнениях, при этом неоднократно упоминается имя генерала Эрлаха. И все-таки основной акцент сделан на межкантональном характере гражданской войны. Причем, если «Ведомости» стараются помещать репортажи, рассказывающие о событиях с разных точек зрения (и с точки зрения конфедерата, стоящего на стороне А. Рединга, и с точки зрения сторонника единой Швейцарии, привер-

[13] Там же. С. 133.

женца Гельветического правительства), то «Вестник Европы» Карамзина излагает события предельно односторонне. Симпатии Карамзина явно на стороне правительства Гельвеции, пользующегося поддержкой Франции (бернские конфедераты ориентировались на Англию). Столь односторонняя точка зрения Карамзина шла вразрез с официальной позицией, которую занимала Россия по отношению к гражданской войне в Швейцарии. Русский посол во Франции решительно возражал против вторжения в Гельвецию французских войск, однако вторжение все-таки произошло и решило исход гражданской войны в пользу федерального правительства.

Чем же определен столь специфический интерес Карамзина к крестьянским волнениям в Швейцарии и к той роли, которую играла в них старинная аристократия? Задаваясь этим вопросом, необходимо вспомнить следующее замечание Ю. М. Лотмана: «Анализ статей „Вестника Европы“ Карамзина и изучение редакторских принципов последнего убеждает нас в том, что весь помещаемый в журнале материал посвящался обсуждению в косвенной форме остро актуальных, а иногда и опасных в цензурном отношении вопросов внутренней жизни России тех лет».[14]

Одним из самых важных вопросов общественной жизни России 1801—1802 гг. был крестьянский вопрос. В мае 1801 г. сам император Александр I предложил проект закона, запрещающего продажу крестьян без земли. Законопроект встретил сильное сопротивление. Государственный совет напоминал, что «волнения 1767 и 1796 гг. произошли по менее основательным предлогам и выражал опасение, чтобы крестьяне, а особенно толпы праздных и по большей части буйных дворовых, приняв установление сие за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что сим сделались вольными».[15]

Поддерживали императора только его ближайшие друзья, чуть позже составившие «Негласный комитет», и А. Р. Воронцов, покровитель А. Н. Радищева, единственный из екатерининских вельмож, оставшихся в правительстве, разделявший антикрепостнические устремления нового императора. К марту 1802 г. Воронцов, как считают многие исследователи, вместе с Радищевым, или, по крайней мере не без его влияния, составил новый проект закона, запрещающего продавать крестьян без земли.[16]

Ситуацию этого времени большинство дворян воспринимало как попытку самодержавия покуситься на одно из важнейших прав русского дворянства — право неограниченного владения кре-

---

[14] *Лотман Ю. М.* Эволюция мировоззрения Карамзина // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1957. Вып. 51. С. 149.

[15] Цит. по: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России. . . СПб., 1888. Т. 1. С. 240.

[16] См.: Там же; *Туманов М.* Радищев // Вестник Европы. 1904. Кн. 2. С. 685—689; *Семенников В. П.* Радищев: Очерки и исследования. М., Пг., 1923. С. 135; *Павлов-Сильванский Н. П.* Предисловие // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1905. С. 291.

постными. Г. Р. Державин так охарактеризовал графа С. П. Румянцева, автора одного из крестьянских проектов: «Румянцев выдумал (смею сказать, из подлой трусости угодить государю) средство, каким образом сделать свободными господских крестьян. Он представил проект, столкнувшись наперед, смею сказать, с якобинскою шайкой — Чарторыжским, Новосильцевым и пр.».[17]

Антидворянский характер предполагаемых реформ хорошо понимали и сами молодые друзья императора. Граф П. А. Строганов, в ответ на осторожное замечание Ф.-Ц. Лагарпа о том, что антикрепостнические проекты могут вызвать возмущение дворян, отвечал так: «Оно (русское дворянство. — *И. Н.*) составилось из множества людей, приобретших дворянство только службою и не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигать ничего выше воли императора; ни право, ни закон, ничто не может породить в них мысль о малейшем сопротивлении <. . .> Чего не сделано было в прошедшее царствование против этих людей, против их личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся повод бояться чего-либо, то именно в эту эпоху. Приходило ли им это на мысли? Напротив, всякая мера, клонившаяся к нарушению прав дворянства, выполнялась с изумительной точностью».[18]

Летом 1802 г., в самый разгар споров по крестьянскому вопросу, Карамзин выступил с программной статьей «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», где с предельной ясностью сформулировал свое отношение к развернувшейся полемике: «Сельское трудолюбие награждается ныне щедрее прежнего в России, и чужестранные писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видишь так называемых рабов, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства! Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самим нашим законам не есть тиранская и ограниченная. Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и натуры: вот его обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделю: вот его право!» (XII. 316).

Как видно из приведенного отрывка, статья Карамзина направлена отнюдь не только против «иноземных писателей». В споре самодержавия с дворянством по крестьянскому вопросу Карамзин был явно на стороне дворянства, утверждая его автономию в отношениях с крестьянами.

Параллельно с крестьянским вопросом в русском обществе активно обсуждалась проблема ограничения самодержавного

---

[17] *Державин Г. Р.* Собр. соч. СПб., 1881. Т. 6. С. 259.

[18] Цит. по: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России. . . Т. 1. С. 243—244.

правления. В июне 1801 г. эта тема была публично поставлена на обсуждение самим императором в запросе о правах Сената. Одновременно русское дворянство присматривалось к деятельности только что созданного Государственного совета и с недоброжелательным интересом следило за работой «якобинской шайки» — Негласного комитета.

В феврале 1802 г., в пору собраний Негласного комитета, в «Вестнике Европы» было напечатано «Письмо из Константинополя», где, описывая беспорядки и безначалие, царящие в Турции, Карамзин утверждал: «Турецкое правление есть уже не древнее деспотическое, на темном Алькоране и воле султана основанное, но совершенная аристократия <. . .> Намерение их (советников султана. — *И. Н.*) состояло в том, чтобы ограничить власть великого везиря, и чтобы султан поручил внутреннее правление Государственному совету, или Дивану, который до того времени не мог ничего делать сам собою». Последняя часть письма содержит уже явную проекцию на русские события, в частности на деятельность Негласного комитета и на отношения, которые существовали между его членами еще до воцарения Александра I: «Гуссейн (один из членов Совета. — *И. Н.*), будучи невольником при Селиме (султане. — *И. Н.*), когда он в достоинстве наследника содержался под стражей, приобрел еще тогда любовь его [19] <. . .> Сии турецкие аристократы не смеют употребить жестоких средств для хранения порядка, а слабыя не помогают <. . .> Войска и янычары не чувствуют большой ревности сражаться за 10 аристократов, ни мало не заслуживших любви народной» (IV. 81—83).

В дальнейшем Карамзин более явно выразил свое крайне негативное отношение к попыткам «аристократии» ограничить самодержавную власть. В «Записке о древней и новой России» (1811) писатель посвятил этому вопросу следующие строки: «В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: „можно, надобно только поставить закон еще выше государя“. Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату-ли? Совету-ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они — угодники царя, во втором, во втором захотят они спорить с ним о власти, — вижу аристократию, а не монархию».[20]

Швейцарские статьи «Вестника Европы» с их главной темой — аристократы во главе крестьянских мятежей — также содержат параллели к русским событиям, затрагивая одновременно два основных вопроса, волновавших общество: о крепостном праве

---

[19] Явная параллель с взаимоотношениями между императором и Адамом Чарторыжским, одним из членов Негласного комитета. Дружба между ними возникла, когда Александр был еще наследником, а Чарторыжский являлся «заложником» при русском дворе после подавления польского восстания 1794 г.

[20] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 46—47.

и об ограничении самодержавия. На примере страны, которая еще недавно представлялась писателю идеалом государственного устройства, Карамзин показывает, до чего, с его точки зрения, могут довести безудержная вольность и аристократические тенденции.

Адресация швейцарского цикла очень широка: статьи отражают общую обеспокоенность Карамзина направлением правительственных реформ. Вместе с тем представляется, что статьи имели и конкретных адресатов. К их числу следует отнести друга и покровителя Радищева графа А. Р. Воронцова, в начале александровского царствования пожалованного канцлером. Г. Р. Державин так характеризовал роль Воронцова в это время: «Все окружающие государя были набиты конституционными французским и польским духом, как то: граф Чарторыжский, Новосильцев, Кочубей, Строганов, а паче всех и как атаман их — граф Воронцов».[21]

Действительно, в начале 1802 г. позиция Воронцова по крестьянскому вопросу и по ряду других государственных проблем превосходила по своей радикальности позиции членов Негласного комитета.[22] Сочувствовавший Воронцову граф Адам Чарторыжский писал о нем совсем в «карамзинском» духе: «В нем (Воронцове. — *И. Н.*) осталась закваска той старой либеральной русской аристократии, которая хотела, призывая на престол императрицу Анну, ограничить ее власть».[23]

О недоброжелательном интересе, который испытывал Карамзин к деятельности Воронцова, свидетельствует «Записка о древней и новой России», где подробно разбирается, конечно, nomina sunt odiosa, «Мнение о непродаже крестьян без земли» (1802) Воронцова. Главным аргументом в пользу своего законопроекта Воронцов считал возможность таким образом пресечь незаконную и насильственную продажу крестьян в рекруты.[24] На это Карамзин замечает следующее: «Зачем богатство родителю, когда оно не спасает любезного сына? Правда, откупщики радуются, но отцы семейств плачут <. . .> Несчастные владельцы лишились средства сбывать худых крестьян; ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской. Пример также имел спасительное действие».[25]

Аргументы Карамзина направлены не только против «Мнения. . .» Воронцова, но и против главы «Городня» из «Путешествия. . .» Радищева, на которую ориентировался Воронцов при составлении своего «Мнения. . .».[26]

---

[21] *Державин Г. Р.* Собр. соч. Т. 5. С. 787.

[22] *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 105.

[23] *Чарторыжский Адам.* Мемуары. М., 1912. Т. 1. С. 267.

[24] Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. С. 779—780.

[25] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. С. 77—78.

[26] *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России. . . Т. 1. С. 240.